

Академическая былина об А.П.Александрове:

Данилыч

С.П.Новиков

August 8, 2001

I. *Академическое общество — это моя среда с самого детства.* Физиков и математиков старшего поколения я знал не по официальным документам: я знал многих из них как друзей или недругов моего отца. Я слышал такие сказания об их деятельности, которые никогда не дойдут до письменных документов и которые на самом деле являются подлинной правдой, хотя эта правда скорее всего не войдёт в официальную историю.

Данилыч остаётся в моей памяти как один из самых ярких, наиболее красочных образов в тогдашней Академии. В целом ряде острых академических ситуаций, особенно трудных с конца 60-х до середины 80-х годов, мы немало выступали вместе с ним. Мы боролись за то, что считали правдой: за признание несправедливо обиженных хороших математиков, подвергшихся преследованиям тогдашней власти. К сожалению эти преследования осуществлялись руками прислужников из числа высокопоставленных математиков с серьёзной репутацией, делавших карьеру на преследовании коллег. Преследования осуществлялись либо по национальному признаку (если властям не нравилась национальность), либо за какой-то иной “политический грех”, часто просто выразившийся в недостатке желания услужить, либо просто сводя личные счёты.

II. Данилыч — личность противоречивая.¹

III. Власти Ленинграда начала 60-х годов были особенно неприязненны к интеллигенции, по сравнению с Москвой. Данилыча выжили с поста ректора ЛГУ. Он уехал в Новосибирск в почётную отставку в 1964 году, став там академиком.

Меня избрали член-корром очень рано, в 1966 году. Я впервые увидел Данилыча на собраниях Академии в 1967–68 годах. Как известно, после подписания большой группой математиков письма в защиту А.С.Есенина-Вольпина, насильственно взятого в психбольницу (в числе них был и я, и мои родители, и много других моих друзей), обстановка накалилась. Брежневская власть решила поставить математиков на место и создать

¹По просьбе О.А.Ладыженской, Секция II не публикуется в этом издании.

новый класс “надёжных” людей, которые будут постоянно травить нежелательных лиц в случае нужды. Разумеется, в эти надёжные люди пошли в первую очередь лица, большинство из которых было научно некомпетентно, но были среди них и беспринципные математики из числа людей с серьёзной научной репутацией.

Первые же выборы в Академию в конце 1968 года показали намерение верхов заменить лучших математиков “новыми людьми” — теми, кто будет с рвением выполнять любые заказы, особенно по травле коллег. Данилыч обратил на меня внимание именно тогда: мы были едины в намерении противостоять выборам в Академию этих новых людей. Мало кто был готов что-либо сказать публично против них, многие боялись.

На следующих выборах, состоявшихся в конце 1970 году, наши совместные действия с Данилычем уже стали более систематичными и подготовленными. Он приезжал ко мне домой, мы вместе разбирали работы тех кандидатов, которых “тянуло” начальство, кое-чего добились. Мои дочери Ира и Маша, которым тогда было 6 и 5 лет, заглядывали в комнату и кричали: “Старичок — бородачок” (он был совсем седой; ему было 58 лет, и у него была борода лопатой). Его моральная поддержка сильно помогла мне тогда. Мне присудили медаль Филдса Международного союза математиков в 1970 году. Это усилило злобу в моей адрес. Преследования усилились. Получать медаль на Конгресс в Ницце меня не пустили. И.М.Виноградов заверял меня, что Институт Стеклова “борется” за мою поездку туда; тайно от меня он послал в Октябрьский райком КПСС отрицательную характеристику. Мне сказали, что Институт Стеклова всё возможное сделал, а райком отказал. Вскоре я расследовал это дело. Как мне рассказали свидетели, секретарь райкома Давыдов заорал на парторга Стекловки, пришедшего с характеристиками: “Что вы мне несёте такую плохую характеристику; не хотите пускать, не несите ничего — нечего делать из меня дурака.”

Впрочем, я не буду изображать из себя сверхнаивного человека. Люди, знающие Академию тех времён, поймут сразу кому именно лично услужал Виноградов, организуя травлю математиков, в моём случае это особенно ясно: тому, кто ему за это очень хорошо платил. Он работал за хорошую мзду. Не знаю, были ли у него какие-нибудь убеждения, если ему это было невыгодно.

IV. Виноградов жаждал наград и званий. В 1971 году за *деликатные* услуги ему присудили, в тогдашней закулисной терминологии, “Вторую Гертруду”. Сначала высшие власти отказывали, ссылаясь на военно-промышленный комплекс: те говорили, что вторая гертруда—это только для них, что это даётся учёному только за заслуги перед военным комплексом, а не за теорию чисел. Но высшая власть Академии объяснила им, что у Виноградова гигантские заслуги в развитии правильной, нужной партии идеологии в этот трудный период борьбы с международным сионизмом, присочинив ещё что он — чуть ли не самый крупный советский математик, прямо Пуанкаре

вместе с Гильбертом. Короче, вторую гертруду ему выбили. Генеральная линия Партии была направлена в тот период именно на эту борьбу.

После этого он нацелился на Ленинскую премию 1972 года, представив новую книгу, содержащую какие-то ничтожные обобщения старых результатов, за которые ему была присуждена Сталинская премия в конце 30-х годов.

Данилыч, А.А.Марков и я решили что такая наглость—это уже слишком. Мы написали письмо в Комитет по Ленинским премиям, указав на эти очевидные всем факты. Для верности, мы дали копию письма И.Г.Петровскому, члену Комитета. И что любопытно: наше письмо Комитет “не получил”. Оно исчезло. Петровский на заседании прямо спросил председателя: где письмо академика Александрова, членов-корреспондентов Маркова и Новикова? “Никакого письма не получали” — был ответ. Тогда Петровский достал письмо из кармана и прочёл. Последовала истерика. Председатель в очень жёсткой форме приказал голосовать за Виноградова — и, конечно, послушное большинство всегда слушалось жёсткого приказа члена ЦК в те времена.

Любопытно, однако, что председатель был весьма тяжело болен. Считалось, что он не приедет на заседание. Почему он внезапно примчался из больницы? Значит, ему что-то сказали? Впрочем, загадки такого рода никогда не будут выяснены полностью — думайте, как хотите.

В наказание меня вывели из Учёного Совета Стекловки осенью 1972 года при его очередном пересмотре. Это противоречило Уставу Академии, но президент АН СССР утвердил новый состав, представленный Виноградовым.

Насколько я помню людей типа Виноградова, их психология оставляет открытым такой вопрос: они совершили много темных дел начиная еще с конца 20х годов, наживаясь от самых мерзких сторон советской власти, в частности делая карьеру на травле провинившихся или просто преследуемых почему-то коллег: преследовали старых интеллигентов дореволюционного образца около 1930 года, преследовали евреев начиная с 1946 года, преследовали “подписантов” разных писем в защиту нежелательных лиц после 1968 год вроде нас, всюду он был тут как тут. Как я заметил, у людей такого рода было при этом желание всячески унижать преследуемых,—возникло впечатление, что они испытывали от этого удовольствие. И это относится не только к нему. Психология сталинских кадров вообще была сильно деформирована, в кругу же высокопоставленных математиков поселилось какое-то странное психическое искажение, которого не было, например, среди крупных физиков. Для тех, кто страдает от таких унижений, уколы подобного рода весьма чувствительны.

Друзья вроде Данилыча и новая научная деятельность, совместная с кругом учеников Л.Д.Ландау, сильно поддерживали мой дух, делали все эти уколы чем-то ничтожно малым.

Я пришёл в январе 1973 года к Н.Н.Боголюбову — номинальному главе Отделения математики (но фактически без власти в математике тогда) — протестовать против моего исключения из Учёного совета Стекловки. Сочинил красивую речь о тех научных потерях в новых областях математики, которые

без меня понесет Совет. Боголюбов меня выслушал, кивая головой одобрительно: хорошо сочинено, всё правда. Сказал, что поговорит об этом беззаконии с президентом АН СССР, а потом казал. подмигнув: “А что Вы огорчаетесь? Сейчас только три члена Академии не состоят в учёных советах институтов, где они работают: Сахаров, Лысенко и Вы. Это большая честь.”

Тогдашний президент АН, конечно, изобразил сверхглубокое уважение в Виноградову, когда Боголюбов к нему обратился — обещание он выполнил. “Ну просто я ничего не могу тут сделать” — сказал президент, и дал Виноградову ещё какую-то награду.

Для меня это был важный шаг — у меня возникло взаимопонимание с Боголюбовым, сыгравшее в дальнейшем важную роль.

V. В 1975 г. скандалы в Академическом Издательстве (РИСО) команды наших власть имущих академических математиков против физиков были в самом разгаре. Один из учеников Боголюбова, Борис Валентинович Медведев, при обсуждении целесообразности переиздания “Квантовой механики” Ландау — Лифшица возмутился некомпетентностью людей, принимавших решение (хотя они и были академиками) и стал защищать книгу. Немедленно Виноградов лично приказал Боголюбову вышвырнуть Медведева из Стекловки, а в РИСО направил бумагу (за своей подписью как директора), в которой заявил, что Медведев в РИСО не представляет мнения МИАН, и он его отзывает. Медведева вскоре устроили в ИТЭФ, а Отделение общей физики и астрономии приняло решение, осуждающее некомпетентное “обсуждение” физических книг математиками в РИСО, с указанием имен.

Ссора Виноградова и Боголюбова нарастала, она оказала благоприятное воздействие на все последующие выборы в академию по математике. Напротив, мои деловые и личные отношения с Боголюбовым, этим выдающимся ученым (несмотря на все его недостатки), и его учениками — сотрудниками Отдела квантовой теории поля МИАН, достойными интеллигентными людьми и серьезными специалистами — стали очень хорошими. Виноградов же в новых условиях сделал ставку на Фаддеева (очень нелюбимого Боголюбовым), которого он быстро и оперативно выдвинул в директора ЛОМИ и академики. Это давно стало его системой: помочь одному и рекламировать себя как сторонника молодежи, делая гадости многим талантам.

В начале 1977 г. Виноградов в возрасте 85 лет (еще редкостно здоровый) переизбирался директором на очередной 5-летний срок. При Брежнев в СССР вообще стал страной управляемой глубокими стариками—это называли геронтологической стадией развития социализма.

Александр Данилович Александров позвонил мне из Новосибирска и спросил: “Будем ли мы это терпеть? Нельзя ли привлечь Леонтовича и совместно выступить на Общем собрании?”. Я передал этот вопрос одному из ведущих прикладных физиков Леонтовичу (старому другу моего отца), и он загорелся желанием выступить. Еще за несколько дней до Общего собрания не было ясно, готов ли Александров всерьез? Леонтович несколько

рад звонил мне, спрашивал об этом, я бы сказал, в нетерпеливо раздраженной форме. Ему явно не терпелось. Наконец, Данилыч приехал в Москву и подтвердил свое твердое желание выступить. Сразу после А.Д. было обещано выступление Леонтовича. Данилыч сказал мне: “Вы пока членкор, не академик. Мы выступим — Леонтович и я, а потом вся команда начнет лгать. Не могли бы вы потом дать, “справку” и что-то опровергнуть как знаток Стекловки? Для членкора справка — это хорошая форма”.

Я обещал это сделать. Леонтович позвонил мне в мое отсутствие и сказал моей жене: “Чтобы я не наговорил лишнего, пускай Сережка напишет мне тезисы, что говорить. А то я забывать стал; да и сам я не удержусь от разговора о расизме”.

Дело в том, что именно я убеждал Леонтовича не говорить об антисемитизме. Гадостей Виноградов сделал и без этого достаточно. Именно он сам и рассчитывает на разговор об антисемитизме, опираясь на поддержку, вытекающую из настроения высших властей. Накануне Общего собрания, когда Виноградов уже был переизбран Отделением математики с несколькими голосами против, через Льва Петровича Питаевского, только что ставшего членкором, я передал Леонтовичу в запечатанном конверте написанный мной проект речи на одну страницу. Идея была проста: привести только один пример, уже изложенный выше — обсуждение в РИСО книги Нобелевского лауреата Л.Д.Ландау в области, за которую он получил Нобелевскую премию, и судьбу скромного человека, «квантового» физика Медведева, который осмелился заступиться за книгу, искренне возмущившись некомпетентностью обсуждения. Вот что происходит с физиками в Стекловке, как теория чисел (т.е. Виноградов) управляет физикой! И — все. Это Леонтович и сделал после Данилыча на Общем собрании, несколько усовершенствовав текст и выучив его наизусть. Речь его была блестящей как дополнение к речи Данилыча. По-моему, даже его старый друг, новый президент Академии А.П.Александров, приятно растерялся: он ждал разговора о расизме и считал его для себя невыгодным, такая очевидная находка была неожиданной.

Первой была речь Данилыча. Ее содержание было для меня неожиданностью. Гениальное всегда просто. Он начал так: “Распространена официальная справка о Виноградове как о директоре института. Она не соответствует действительности. В ней написано, что он создатель и бессменный директор Стекловки с 1934 г. Это неправда. Институт создан В.А.Стекловым и носит его имя с 1926 года. Все знают, что в годы войны директором был знаменитый математик академик Соболев. Все это — клевета, в частности, на Соболева, попытка аннуляции его заслуг в трудные годы войны” и т.д. Далее говорилось о преследовании ученых в Стекловке, была названа и моя фамилия.

Затем была речь Леонтовича, про которую я уже написал, а потом, как и ожидалось, “команда” начала долго и упорно лгать; в процессе лжи, между прочим, кто-то сказал и про меня — как меня поддерживал и выдвигал этот кристальной честности человек — Виноградов. Наконец председательствовавший

на Общем собрании Вице-президент В.А.Котельников сказал: “Все, кончаем. Больше слова никому не даю. Все ясно”.

Тут настала моя очередь. Слова он мне не давал, но я просто встал и пошел на трибуну: “Моя фамилия упомянута в дискуссии, я должен дать справку. Да, Иван Матвеевич иногда выдвигал молодые таланты,— сказал я,— например, меня (смешок в зале, крики, я взял себя в руки и усилил голос). Но еще большему количеству талантливых ученых он принес зло, никуда их не пускал, преследовал». (Далее я привел пример Чернавского, ученика моей матери, изгнанного из Стекловки вскоре после своего прекрасного топологического результата, получившего серьезное международное признание.) Затем я сел. Как я заметил, Рем Хохлов посмотрел на меня одобрительно из президиума.

Симпатичный человек, зам. Виноградова по МИАН, Юрий Васильевич Прохоров, видимо по приказу, выступил после меня и опять стал превозносить благодеяния, оказанные Виноградовым молодым ученым. Академик Кнуляц (химик) крикнул с места: “А вы какой пост в этом институте занимаете?”.

Прохоров растерялся и сел. Дискуссия кончилась (позднее Прохоров всегда меня поддерживал, а Виноградову показал кукиш). Президент Александров сидел задумчиво. Допустить провал Виноградова он, как я полагаю, не хотел и перенес продолжение заседания и голосование на завтра. Варварская процедура, введенная за 4–5 лет до этого, когда один из президентов сам избирался директором, требовала решить открытым голосованием — будут голосовать директоров тайно или открыто? Да и то только, если кто-то требует тайного голосования. Но здесь собрание открыто постановило: будем голосовать тайно. Это уникальный случай. Испуг команды Виноградова был значителен. Они думали, что он провалится.

Этого, однако, не произошло. Он собрал более 1/3 голосов “против” и провалился бы на выборах в академики или членкоры. Но здесь требовалось всего 50% “за”, недействительные бюллетени считались как “за”. Он прошел, кажется, с 74 голосами “против” из приблизительно 180 голосовавших. Академики — люди дисциплинированные, и многие привыкли бросать бюллетени, ничего не черкая.

И все-таки эти результаты уникальны для подобных голосований в академии, ведь речь шла о значительном ученом, уже старом, научный авторитет которого раздувался больше, чем лягушка из басни. История наделала много шума. Говорят, что президент приказал навести порядок с Соболевым, которого он знал и уважал, но аппарат обнаружил, что документов о его директорстве в Стекловке нет. Куда же они делись? Видимо, история нашей математики заслуживала бы и криминального расследования сохранности и достоверности документов. Забавно, что много лет спустя ко мне в руки попало письмо группы советских математиков американским коллегам, датированное 1942 годом, о нашем новом братстве после официального вступления США в войну с Германией. Среди подписавших были директор Математического Института академик С.Л.Соболев и просто академик И.М.Виноградов. Это

письмо я (как главный редактор Успехов Математических Наук) опубликовал в разделе Математическая Жизнь несколько лет назад. Оно исходило от вдовы Марстона Морса, президента Американского Математического Общества.

Мы с Данилычем поехали ко мне и хорошо выпили, обсуждая детали дискуссии. Официальная Стекловка была растеряна, простые люди посмеивались. Никогда в Общем собрании академии — ни до, ни после кандидатура директора института не обсуждалась таким образом; Лет 10 спустя новый президент Академии Г.И.Марчук отменил процедуру утверждения директоров Общим собранием. Это было сделано, как я считаю, из своеобразного уважения к нам с Данилычем: он хотел сделать директором одного своего друга, против которого мы уже высказались в кулуарах.